

Потапенко Игнатий Николаевич

**Редкий праздник: Из хроники
южно-русского села**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Редкий праздник: Из хроники южно-русского села / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 54 с.

ISBN 978-5-519-79281-3

ISBN 978-5-519-79281-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

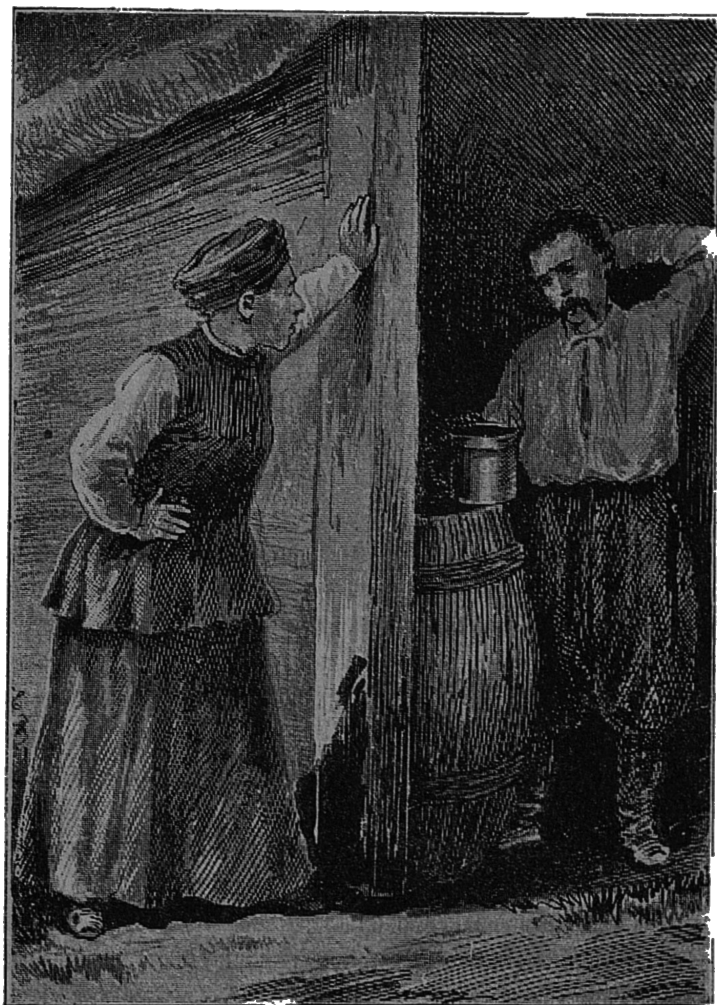
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гораздо менѣ популярнымъ *) въ селѣ, чѣмъ его противница, но тѣмъ не менѣ популярнымъ. У амбара, въ которомъ хранился овесъ, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, стояла

матушка въ позѣ чловѣка, собирающагося выпаралать глаза своему противнику. Налившіеся кровью глаза неистово прыгали

*) Извѣстнымъ.

въ своихъ орбитахъ, худое, костлявое лицо выражало неимо-
вѣрный гнѣвъ; матушка очевидно была взбѣшена. Въ такія
минуты она могла-бы представить прекрасный оригиналь для
изображенія олицетвореннаго гнѣва. Въ амбарѣ, у бочки, до
половины наполненной овсомъ, стоялъ Артемъ въ классической
позѣ человѣка, чувствующаго себя виновнымъ. Въ лѣвой рукѣ
онъ держалъ корецъ съ овсомъ и тутъ-же кое-какъ пріютив-
шуюся шапку, которую онъ снялъ въ честь матушки, а правую
держалъ на затылкѣ, что уже прямо означало смущеніе. Голова
его опустилась, а взгляды, казалось, хотѣлъ во что-бы то ни
стало проникнуть на самое дно бочки съ овсомъ.

— Да вѣдь кони-же не мои, а ваши! для васъ-же я
берегу ихъ! говорилъ Артемъ, стараясь придать своему голосу
какъ можно болѣе мирный тонъ.

— Для васъ-же я берегу!.. Для васъ я берегу!! заво-
пила матушка, стараясь приблизиться къ мужскому голосу и
въ полной увѣренности, что она передразниваетъ Артема, что
впрочемъ ей отнюдь не удавалось.— Знаемъ мы, какъ бережете
вы хозяйское добро! Переводите вы его, а не бережете!
Христа на тебѣ нѣтъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Ты думаешь,
я не знаю, куда этотъ овесъ дѣвается; ты думаешь, такъ
вотъ я и повѣрила, что ты его лошадямъ даешь по три раза
въ день? А кабакъ на что? А въ кабакъ что пропивать ста-
нешь, какъ не хозяйское добро? А чертенятъ твоихъ накормить
тоже, я думаю, надо! О-охъ, ты, Господи! Мученица я,
мученица да и только! И за что это Ты наказалъ меня?!

И мученица, не получивъ отвѣта на этотъ интересный
вопросъ, хлопнула дверью амбара, прибавила съ неимо-
вѣрной силой: „будьте вы всѣ прокляты!“ и ушла къ себѣ въ
комнаты. Мучитель-же остался надъ бочкой съ овсомъ и на
нѣкоторое время какъ-бы застылъ все въ той-же классической
позѣ. Но затѣмъ онъ вдругъ швырнулъ корецъ въ сторону,
выпрямился во весь ростъ и разсердился, да какъ разсердился!
Неудержимая злоба закипѣла въ его груди и отразилась на
его смугломъ, обросшемъ лицѣ, темные глаза занескрились
гнѣвомъ, руки сжались въ угрожающіе кулаки... О, если-бы

въ это мгновеніе здѣсь была матушка, онъ, кажется, раздавилъ-бы ее.

— Будь-же *ты, ты* проклята, баба-яга! почти простоналъ онъ, скрежеща зубами... Но потомъ, какъ-то вдругъ, руки его опустились, и онъ почувствовалъ себя безконечно слабымъ, безсильнымъ, жалкимъ; что для нея его проклятья? Что онъ такое? Его приняли чуть не изъ милости: развѣ можно забыть, какъ онъ умолялъ, чуть не въ ногахъ лазилъ, чтобы его приняли за ничтожную плату? Вѣдь онъ подневольный, какъ есть *рабъ* подневольный. Смирись, Артемъ, потому что завтра могутъ прогнать тебя, и ты тогда ничего не принесешь своей женѣ и двумъ малымъ ребятамъ, „чертенятамъ“, какъ назвала ихъ матушка, которыя стонутъ отъ голода! И Артемъ смирился и тихо побрелъ въ конюшню. Онъ дѣжно погладилъ поочередно обоихъ коней, они оглянулись и, казалось, дружелюбно поглядѣли на него. „Не удалось, ребята, побаловать васъ!—молвилъ Артемъ, обращаясь къ конямъ.—Эхъ, коники вы мои! Люблю я васъ, хоть вы и поповскіе!“ И онъ любовно гладилъ поповскихъ коней.

Матушка ушла въ комнату совершенно разбитая. Можно было подумать, что это дѣйствительно было несчастное существо, самимъ Богомъ осужденное на мученія; она имѣла видъ страдальцы, которую безвинно мучили, терзали, оскорбляли: лицо ея было блѣдное, на вискахъ выступили синія нити сильно напряженныхъ жилъ, губы нервно вздрагивали и, казалось, шептали какія-то ругательства, жидкіе волосы растрепались и безпорядочными клочьями выглядывали изъ-подъ кисейнаго платка. Она дѣйствительно страдала, но легко было понять, что эти страданія происходили отъ злости. Она одинока, совсѣмъ одинока, несмотря на то, что у нея есть супругъ, съ которымъ она прожила уже больше пятнадцати лѣтъ. О. Левъ—это малое дитя, за которымъ надо присматривать и на котораго ни въ чемъ нельзя положиться. Онъ любитъ хорошо поѣсть и сладко поспать—вотъ всѣ его достоинства. Вотъ и теперь онъ лежитъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, съ растрепавшейся львиной гривой, обрюзглымъ лицомъ—и наслаж-

дается безмятежнымъ сномъ. У нея на рукахъ все хозяйство, а ему ни до чего нѣтъ дѣла. И послѣ этого она не мученица?

И бѣдная Аграфена Ивановна чуть не плакала отъ злости.

II.

Артемъ любилъ поповскихъ коней. Можетъ быть, это потому, что когда-то, и еще не такъ давно, у него была пара своихъ такихъ-же хорошихъ коней. Было у него много и кое-что другого, всего было довольно: и пара хорошихъ, сытыхъ воловъ, и десятка два овецъ, и коровы, и свиньи, и птица, ссыпаль онъ жито, ячмень и овесъ въ свою засѣку, ѣлъ сытный борщъ съ саломъ и съ кашей у себя дома, за дубовымъ столомъ; его угощала Настя—молодая пригожая жена. Довольно всякаго добра надавалъ ему батько—старый Максимъ Кладько, когда Артемъ женился и захотѣлъ выдѣлиться на своё хозяйство. «Смотри-же, сыночекъ, сказалъ ему тогда батько,—будь хорошимъ хозяиномъ. Не переводи зря дѣдовскаго добра! Не осрами дѣдовъ своихъ и батька! Кладьки всегда были хорошими хозяевами?» И Артемъ былъ хорошимъ хозяиномъ. Онъ шесть лѣтъ энергично хлопоталъ на своемъ надѣлѣ, засѣвалъ его житомъ и ячменемъ... и едва получалъ то, что сѣялъ. Не одинъ онъ—весь уѣздъ, все уѣздное крестьянство получало такіе-же барыши. И каждый годъ уносилъ съ собою что-нибудь изъ Артемова хозяйства. Сначала пришлось продать овецъ, а тамъ воловъ, коней; только коровъ было ужъ больно жалъ—вѣдь у Артема завелись ребята, имъ нужно было молоко. Надо было оставить хоть одну коровку, и онъ оставилъ; но пришла зима, холодная и голодная зима, и коровки не стало,—зима доканала ее. Оглянулся Артемъ вокругъ себя,—пусто, дѣдовскаго добра и слѣдъ простылъ, а жена убивается, а дѣти ѣсть просятъ. Батька давно не стало—помочь некому. Осталось одно—идти въ работники, что нибудь заработать за зиму и накормить семью. Посмотрѣлъ на себя Артемъ и увидѣлъ, что онъ теперь не тотъ, что прежде. Онъ выросъ на хорошемъ батюшскомъ

хлѣбѣ, его красивое здоровое лицо дышало увѣренностью въ себя и довольствомъ, здоровыя мускулистыя руки „чесались къ работѣ“: всякое дѣло спорилось въ этихъ рукахъ. Горькая нужда, непрестанная забота и шесть лѣтъ разочарованій и лишеній сдѣлали его блѣднымъ, угрюмымъ; въ 27 лѣтъ онъ выглядѣлъ почти старикомъ. А теперь еще предстояло ходить по чужимъ людямъ... что изъ него останется?

Зимой—какая работа! Сотни голодныхъ бродятъ по городамъ и селамъ и чуть не даромъ предлагаютъ свои руки. Собрались они изъ разныхъ уѣздовъ, изъ дальнихъ губерній, рассказываютъ другъ другу одну и ту-же исторію. Всѣ они когда-то были хозяева, а теперь рады будутъ, если ихъ примутъ работать за хлѣбъ, но нѣтъ цѣны на работника, никому онъ и даромъ не нуженъ. Но у Артема есть преимущество. Всякій знаетъ, что онъ былъ хорошимъ хозяиномъ, на него всегда можно положиться, потому что онъ имѣлъ свое добро и знаетъ ему цѣну. У крамаревскаго батюшки работалъ какой-то пришелецъ изъ дальней губерніи, поработалъ три дня, прихватилъ желѣзную лопату и старую конскую попоу и съ этимъ богатствомъ неизвѣстно куда скрылся. А про Артема всякій знаетъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, потому-что у него есть доброе имя. Артемъ отправился къ батюшкѣ. Тамъ его знали: когда-то, еще при покойномъ батькѣ, онъ даже чай пилъ у матушки, въ качествѣ гостя, и помнить онъ, какъ любезно тогда принимали его. Впрочемъ, за этотъ чай онъ не остался въ долгу. Полъ-четверти пшеницы было скромнымъ вознагражденіемъ за эту отъѣдную честь. Теперь, разумѣется, не то. Чаемъ его поить не станутъ и про пшеницу не вспомнятъ. Тогда онъ былъ Артемомъ Максимовичемъ, а теперь, чего добраго, въ Артемки производутъ. Батюшка къ нему не вышелъ: онъ былъ слишкомъ толстъ для того, чтобы заниматься хозяйственными дѣлами, и ограничивался тѣмъ, что вкусно ѣлъ и сладко спалъ. Хозяйствомъ управляла матушка, она къ нему и вышла. Она не узнала Артема и спросила даже: „чей онъ?“ Сынъ Максима Кладька скромно напомнилъ ей о чаѣ, который нѣкогда они вмѣстѣ пили. Вспом-

нила и удивилась, какъ это онъ такъ опустился,—видно не сумѣлъ сберечь отцовскаго хозяйства. Артёмъ не возражалъ и перешёлъ къ дѣлу. Онъ просилъ ничтожную плату—60 руб. за годъ. Онъ раньше рассчиталъ, что за эти 60 руб. можно будетъ купить пару воловъ, чтобы посредствомъ ихъ поправить хозяйство. Просилъ онъ только прибавить ему ржаныхъ сухарей для семьи. Матушка испугалась такой цѣны и высказала подозрѣніе, что онъ сумасшедшій. Теперь десятки людей согласны работать даромъ, а онъ заломилъ 60 руб.; неужели онъ думаетъ, что наскочилъ на дуру; или она уже на всемъ селѣ прослыла за сумасшедшую, или не думаетъ-ли онъ, что попу съ неба сыплются деньги? Артёмъ не думалъ ничего подобнаго, онъ только полагалъ и старался объяснить, что между нимъ, бывшимъ извѣстнымъ хозяиномъ, и всякимъ другимъ пришлымъ работникомъ—есть разница. Но этотъ доводъ оказался недѣйствительнымъ. Ему предлагали одни сухари да полушубокъ на зиму. И помнить Артёмъ цену.

— Матушка! говоритъ Артёмъ умоляющимъ голосомъ.— Когда-бы я былъ одинъ, когда-бы у меня не было жинки и малыхъ ребятъ, когда-бы эти малые ребята не кричали, не просили-бы хлѣба,—развѣ я разговаривалъ-бы такъ долго? Я работалъ бы за хлѣбъ, за сухари, за мякину! Но когда-жъ я отецъ, когда-жъ они просятъ ѣсть...

И говорилъ это Артёмъ такимъ голосомъ, что еслибъ здѣсь, на мѣстѣ матушки, стоялъ человѣкъ съ сердцемъ, то у него надорвалось-бы и облилось-бы кровью это сердце.

— Что ты мнѣ тутъ лазаря изображаешь?—молвила матушка такъ, какъ будто у нея никогда и не было сердца.— Неужто я виновата, что у тебя жена, дѣти. Неужели я должна кормить твоихъ дѣтей? Да у меня свои есть для этого, самъ посуди... Какой-же это резонъ, что они ѣсть просятъ? Да можетъ, еще кто ѣсть просить?! Да мало-ли кто ѣсть просить! Не могу-же я всѣхъ накормить?!

— Матушка! Я-же прошу не милостыню, я-же буду вамъ работать, какъ себѣ самому, буду блюсти добро ваше, какъ свое...

— Э-ге-ге! Ты ужъ этого пожалуйста, не дѣлай! Свое-

то добро ты вонъ какъ соблюлъ, да и мое такъ соблюсти хочешь? Гдѣ твое добро соблюденное?..

И матушка зло засмѣялась надъ нимъ.

— Такъ это-жъ Богъ, Богъ отнялъ! Шестъ лѣтъ неурожай, засуха, жукъ!.. Господи ты Боже мой? Я-ли за двухъ воловъ не работалъ? У меня-ли не трещала спина отъ натуги?

Артемъ уже плакалъ. Онъ не выдержалъ, потому что его попрекнули его добромъ. Ужъ онъ-ли не хранилъ его? Онъ-ли не былъ примѣрнымъ хозяиномъ? Бывало, ни одной минуты не оставался онъ свободнымъ. Онъ былъ тогда здоровъ и крѣпокъ, чувствовалъ избытокъ силъ, работалъ съ ранняго утра до поздней ночи. Его называли „шустрымъ хозяиномъ“, говорили, что онъ „стоитъ батька“, и въ будущемъ пророчили ему большое хозяйство. Но не сбылись эти пророчества доброжелателей, все пошло прахомъ, и вотъ теперь его-же обвиняютъ въ небрежности, въ неумѣньи сберечь дѣдовское добро. Злѣе этой нападки ничего нельзя было придумать... Но не долго плакалъ Артемъ. Какъ-то вдругъ понялъ онъ, что передъ нимъ стоитъ звѣрь, котораго никакими слезами не разжалобишь. Въ одно мгновеніе онъ измѣнился и сдѣлался грубъ, какъ матушка.

— Ну, вотъ вамъ: 40 рублей и сухари! Меньше ни одного гроша. Хотите—берите, хотите—нѣтъ! Прощайте!

Онъ грубо повернулся и вышелъ. Въ душѣ онъ рѣшилъ не оставаться у матушки, еслибъ она даже согласилась на его условія. Обиденъ будетъ ея хлѣбъ послѣ такого униженія. И онъ пошелъ ускоренной походкой по направленію къ своей хатѣ. Голова его была совсѣмъ пуста: никакихъ мыслей, никакихъ соображеній и плановъ, точно она вдругъ потеряла способность работать. Зато сердце щемило отчаянье. Еслибъ ему попался на дорогѣ высокій утесистый берегъ, а внизу заманчиво разстилалась быстрая, глубокая рѣчка съ манящими своею молодою зеленью камышами, онъ не остановился-бы ни на минуту и безъ размышленія бросился-бы съ высокаго берега внизъ. Это легче сдѣлать, чѣмъ прійти домой съ пустыми руками и угрюмо сказать голоднымъ, что не нашлось для нихъ

ничего, чтобъ удовлетворить ихъ голодъ. Они теперь по крайней мѣрѣ надѣются, а тогда будутъ разбиты всѣ надежды. Но вотъ его догнали, зовутъ къ матушкѣ. Матушка увидѣла твердую рѣшимость и согласна на его условія. Она понимаетъ, что Артемъ очень выгоденъ ей, что онъ не какой-нибудь прощальга, а всему селу извѣстный хозяинъ. Первое рѣшеніе Артема было не идти къ матушкѣ; но другого исхода не было, и онъ покорно пошелъ къ ней и остался. „Замучить она меня, знаю! загоняетъ!“ подумалъ онъ, но все-таки остался. Тяжелая это была зима для Артема. Онъ самъ былъ хозяиномъ и зналъ, что значить работать по-хозяйски. Это значить — работать много, не сидѣть безъ дѣла, но сберегать силы и на завтра, и на весну, и на лѣто. Не то было здѣсь. Матушкѣ нужны были его силы только теперь, пока онъ былъ у нея работникомъ. На годъ, по ея расчетамъ, у Артема во всякомъ случаѣ хватить силъ, а онъ ей нуженъ былъ именно на годъ; послѣ этого — выйдетъ срокъ, можно нанять другого, свѣжаго. Матушка не любила, чтобъ у нея работники засиживались, она умѣла за годъ выжимать всѣ силы. И вотъ ся зоркій глазъ ежеминутно слѣдитъ, чтобы работникъ не оставался безъ дѣла. Она умѣла всегда придумать работу; ея изобрѣтательность на этотъ счетъ была безконечна. Въ трескучій морозъ съѣздить въ плавни — нажать камыша и свезти его на саяхъ; расчистить дворъ отъ нападавшаго за сутки снѣга; наколоть и навозить съ рѣчки льду въ помѣстительный матушкинъ ледникъ, — все это такія обязанности, которыя работникъ долженъ помнить и помнить безъ ея напоминанія. Но если между дѣломъ у него нашлось свободныхъ полчаса, матушка сейчасъ-же отыщетъ новое дѣло; если сію минуту нѣтъ настоящаго дѣла, она выдумаетъ совсѣмъ ненужное, но „байды бить не дастъ“ у нея есть свой принципъ *). Она въ такихъ случаяхъ заставляетъ перекапывать мерзлую и твердую, какъ камень, землю въ огородѣ; она превращаетъ работника въ кухарку, заставляя его носить въ кухню и подкладывать подъ

*) Правило.

плиту топливо, рубить мясо, а подчасъ и мѣсить тѣсто. Словомъ— „гулять“, т.-е. отдыхать, у нея не позволяется.

Но все это Артему былъ ни почемъ. Онъ хорошо зналъ матушку и, когда нанимался, понималъ, что идетъ въ кабалу, что на годъ продаетъ матушкѣ всѣ свои силы безъ остатка.

Не предвидѣлъ онъ только, что здѣсь на каждомъ шагѣ будутъ оскорблять его самолюбіе, самолюбіе хозяина, котораго знало и не такъ давно уважало все село. Матушка смотрѣла на работниковъ, какъ на своихъ кровныхъ враговъ; она всякую минуту видѣла себя окруженной злостными заговорщиками, которые только о томъ и думаютъ, чтобъ причинить ей изъяснѣ. Ей то и дѣло казалось, что Артемъ работаетъ только тогда, когда она слѣдитъ за нимъ, въ остальное-же время спитъ;—что половина зерна, которое онъ беретъ для лошадей, прячется имъ и относится въ кабаки;—что, войдя въ соглашеніе съ кухаркой, Артемъ передаетъ домой женѣ своей цѣлыя кувшины молока и даже иногда куски жаркого, предназначенные для ея собственнаго стола. Ея глазомѣръ повидимому былъ такъ страшно устроенъ, что увеличивалъ въ объемѣ все, что она давала работникамъ, и уменьшалъ все, что уже побывало у нихъ въ рукахъ. Если Артемъ взялъ гарнецъ овса и подложилъ его лошади, матушка немедленно отправлялась въ конюшню и ощупывала мѣшечекъ. Она непременно приходила въ ужасъ.

— Уже, уже! Успѣлъ уже! Развѣ это гарнецъ? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, развѣ это гарнецъ? Безстыжіе твои глаза! Среди бѣла дня воруетъ! Да они просто грабятъ меня, просто грабятъ! Скоро все добро мое разнесутъ! И такая ловкость воровская! Уже успѣлъ отсыпать и припрятать! Хочешь поправить свое хозяйство?! Да, такимъ манеромъ скоро можно поправить! Этакъ ты скоро помѣщикомъ станешь! И гдѣ у тебя мѣстечко такое, куда ты все наворованное добро складываешь? Хотѣла-бы я знать, гдѣ это мѣстечко! Тамъ-то, я думаю, всего вдоволь! Магазинъ открыть можно! И ты думаешь, это тебѣ пойдетъ въ прокъ? Какъ-бы не такъ! Ворованное добро никогда въ прокъ не идетъ! и т. д.

Воображеніе матушки рисовало самыя невѣроятныя картины. Оказывалось, что ее уже окончательно ограбили и пустили по-міру. И вотъ она, бѣдная, ходитъ по хатамъ съ сумой и побирается Христовымъ именемъ. Съ другой-же стороны, Артемъ съ семействомъ не по днямъ, а по часамъ идетъ въ гору: его хозяйство разрослось, жена разжирѣла, какъ вотъ эта свинья, что сидитъ у матушки „въ сажѣ“, дѣти уподобляются поросятамъ и отъ ожирѣнія едва способны передвигаться съ мѣста на мѣсто и т. д.; словомъ, Артемъ какъ нельзя лучше осуществляетъ 'жизненный идеалъ самой матушки.

Матушка не пропускала ни одного случая, чтобы не нарисовать подобную картину. Больше всего обвиненій вышло на долю Артема, потому что его семья была подъ бокомъ,—значитъ, по соображеніямъ матушки, ему было удобно воровать.

Пуще всего матушка не любила возраженій. Она любила, чтобы брань ея, укоры выслушивались молча и даже съ нѣкоторой признательностью. Зимой она кормила рабочихъ такъ называемымъ „чѣмъ Богъ послалъ“, т. е. тѣмъ, что дешевле всего стоитъ. Подчасъ приходилось довольствоваться ржаными сухарями съ квасомъ, кислой капустой, сельдями и вообще продуктами, которые составлялись изъ добродотныхъ даяній и ничего не стоили матушкѣ. Былъ случай, что кухня возмутилась и предъявила претензію на горячую пищу, а Артемъ прибавилъ къ этому, что не дурно-бы было получить и рюмку водки „по трудахъ“. Нужно было видѣть законное негодованіе матушки по поводу такихъ претензій.

— Плохо кормлю? Я плохо кормлю? А дома что ѣли? Мякину? Ячменную крупу съ пескомъ глотали? За гнилую селедку готовы были душу отдать? А здѣсь уже разжирѣли и большаго захотѣли? Вонъ всѣ, коли у меня не нравится! Кланяться не стану. Вонъ Михайло Забара давно уже набивается наняться, Оедька Одноглазый Христомъ-Богомъ молить за одинъ хлѣбъ, Палашка Оедотихина—дѣвка хоть куда—сейчасъ пойдетъ ко мнѣ, только кликни! Да мало-ли ихъ набивается! Вотъ золото отыскалось! Думали—испугаюсь! Хоть сейчасъ